тобто запасом слів кожної з двох мов, які по-різному пов'язані з загальними світовими поняттями. Так формується своя система сприйняття та утримання двох різних мовних систем та відбувається подвійне кодування мови і сприйняття. У випадку з Набоковим, автор створив власний ідіосинкратичний стиль, іноді непомітний звичайному фахівцеві, проте надзвичайно цікавий для мовознавців. Тому подальше дослідження його творчості вбачається нами перспективним не тільки з точки зору лінгвістики, але й перекладознавства.

Література

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 3. – М: КомКнига, 2005. – 607 с. *Виролайнен М.* Англоязычие Набокова как инобытие русской словесности. // В.В. Набоков: pro et contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова: Антология. - Т.2. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 261-269. *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. - 2-е изд. исправл. – СПб.: Изд-во Санкт-Перербургского университета, 2005. – 458 с. *Набоков В.В.* Лолита: Роман / Пер. с англ. автора. – М.: Издательско-полиграфическая фирма „АНС-Принт", 1991. – 256 с. *Розенгрант Дж.* Владимир Набоков и этика изображения. Двуязычная практика // В.В. Набоков: pro et contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова: Антология. Т.2. – СПб., 2001. – С. 929-955. *Марціяш М.З.* Мовна картина світу двомовної особистості як наслідок взаємодії двох мов та культур // Нова філологія. – 2007. – Вип. 28. – С. 134-139. *Шумарова М.В*. Мовна компетенція особистості в ситуації білінгвізму // Нова філологія. – 2007. – Вип. 28. – С. 16. *Астафьева М.А.* Проблема определения термина „билингвизм" в социолингвистике // Нова філологія. – 2007. – Вип. 28. – С. 6-10. *Белова Т.Н.* Интертекстуальные аспекты «русских» и «американских» романов В. Набокова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2005. - №4. – С. 150-153. *Бридко Т.В.* Понятие диглоссии и билингвизма в современном языкознании // Нова філологія. – 2007. – Вип. 28. – С. 10-11. *Hacuta K.* Mirror of Language: The Debate on Bilingualism. – New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1986. – P. 45. *Nabokov Vladimir.* Lolita: Книга для чтения на английском языке. – Тверь: Бином пресс, 2005. – 544 p. *Nabokov Vladimir*. On a Book Entitled "Lolita" // Nabokov V. Lolita. – N.-Y., Toronto: Random House Inc., 1992. – Pp. 329-335. *Sweeney Susan Elisabeth.* "By some sleight of land": how Nabokov rewrote America // Massachusetts Studies in English 9.3 (1984): Pp. 67-68.

МАТОЧКИНА А.М.
(Запорожский нац. ун-т)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИРОНИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Несмотря на огромное количество исследований, рассматривающих категорию иронии с позиций различных отраслей знания, интерес к этому явлению растет, а в эпоху постмодернизма ирония выступает как одна из мировоззренческих доминант современного человека.

По мнению испанского философа Ортеги-и-Гассета «верования» преобладают в спокойные периоды развития общества, а «идеи» появляются в эпохи кризисов. Сомнение, являющееся предпосылкой появления идей, является и одним из оснований иронии. Таким образом, если ирония является компонентом культуры, то в момент кризиса последней, она выходит на первый план и становится отправной точкой для еще не появившихся или не сформулированных идей [Медведева 2006, с. 95].

Обращение к иронии в искусстве, литературе, а также других сферах жизни, объясняется стремлением человека поставить себя выше обстоятельств, трудностей, и всего хаоса, из которого состоит жизнь. Ироническое отношение к действительности

помогает если не найти упорядоченное объяснение происходящему, то, по крайней мере, утвердить «небезнадежность» человеческих поисков и стараний. Как точно заметил С.Кьеркегор, "будучи отрицанием, ирония является путем - не истиной, а лишь путем к ней" [Кьеркегор 1993, с. 188].

На гармонизирующую роль иронии в личностном миросозерцании, указывают многие исследователи, среди которых М.М. Бахтин, который раскрыл важнейшую сторону своих эстетико-философских разысканий в области «смехового мира», указывая на то, что люди еще не глубоко представляют объективную гуманистическую суть смеха и глубины мудрого смехового начала, правящего наиболее яркими художественными мирами в искусстве всех веков. [Бахтин 1965, с. 75]. Эстетическая дистанция - это интеллектуальное и эмоциональное отношение человека к явлениям действительности, переживаемое не изнутри происходящего, а с позиции мудрого и сочувственного зрителя. Ироническая ситуация гармонизирует не объективный "смысл вещей", а отношение к этому смыслу в сознании участников диалога. Осознав и использовав это в полной мере, литература нового времени закрепила за собой новое качество - философский диалогизм – которое предполагает «сотрудничество» автора и читателя [Третьякова 2001].

Если философия рассматривает категорию иронии как критическую форму бытия, то для литературы и лингвистики, это уже понятие двоякое, которое имеет план содержания и план выражения. Здесь наблюдается расхождение в восприятии иронии как позиции автора, с одной стороны, и как целой гаммы языковых реализаций, с другой, хотя разделение это условно. Оригинальность, неожиданность и легкость вхождения в пространство неодномерной мысли рождает художественную ценность иронического образа.

Публицистический жанр, характеризующийся своей критической установкой при подаче информации, широко использует иронию для реализации своих основных функций: контактоустанавливающей, гедонистической (развлечение читателя, рост рейтинга издания) и прагматической (приглашение читателя к рассуждению в русле авторской позиции) [Овсянников 2001]. Следует отметить, что неразделимость информационной и воздействующей функций в газетно-публицистических текстах, рассматриваются как стилеобразующая черта современного газетно-публицистического стиля [Тюрина 2002].

Подобное «сотрудничество» автора и читателя предполагает рассмотрение иронического послания с позиций теории коммуникации и семиотики. В данном случае, минимальными семиотическими единицами иронии являются иронические коды, которые формируются у автора высказывания исходя из ожидаемой реакции реципиента, передаются последнему и декодируются им. На создание и интерпретацию иронического кода влияют экстралингвистические факторы: социальный статус автора и реципиента, их национальная и культурная принадлежность, знание языка, знакомство с прецедентными текстами и т.д. Ввиду того, что ирония передается имплицитно, процесс ее кодирования и декодирования более сложен, чем при интерпретации, скажем, метафоры, так как автор должен создать два кода узуальный и имплицитный, а реципиент должен распознать наличие второго уровня кодировки и правильно интерпретировать его смысл.

В условиях двуязычной коммуникации процесс создания и передачи иронических кодов становится еще более комплексным и, следовательно, подверженным коммуникативным сбоям, поскольку между автором и реципиентом появляется еще одно звено - переводчик. В первой стадии интерпретации высказывания именно он становится реципиентом, и от его понимания иллокутивного смысла, заложенного автором, зависит, дойдет ли исходный посыл до реципиента и, тем самым, достигнет ли автор своей прагматической цели. Во второй стадии

перекодирования иронического высказывания успешность передачи иронии зависит от умения переводчика найти эквивалентные единицы в языке перевода и максимально приближенно к оригиналу передать локутивный и имплицитный смысл высказывания [Матюхина 2004, с. 56].

Функция передачи информации в газетно-публицистическом жанре определяет характер иронии, которая в нем встречается: под вечно критической позицией автора - а критическая установка уже сама в себе заключает сомнение и ироническое отношение к событиям – чаще всего присутствует комизм ситуации, реальное событие, которое и становится отправной точкой для создания образов. В своей реализации ирония опирается на три вида пресуппозиции (наличие у реципиента сообщения знаний, необходимых для верной интерпретации сообщения): текстовая, экстралингвистическая и интертекстуальная [Походня 1989, с. 109]. Рассмотрим, каким образом эти виды пресуппозиции используются для создания иронических образов и становятся переводоведческой проблемой при передаче сообщения средствами другого языка.

Для анализа обратимся к комичной ситуации, которая вызвала резонанс в обществе и широко обсуждалась в англоязычной прессе: истории о туфлях, брошенных иракским журналистом Мунтадером аль-Зейди в бывшего американского президента Джорджа Буша во время его прощального визита в Ирак. В статьях, посвященных деятельности уходящего президента, журналисты из изданий The Boston Globe, The Washington Post, The Financial Times иронизируют над происшествием следующим образом.

1) Часто само название задает иронический тон дальнейшему повествованию (излюбленный ход в публицистике, призванный привлечь внимание читателя): *“At last,* ***giving Bush the boot****”*(The Boston Globe, Dec 16, 2008). Иронический эффект достигается путем семантической деформации устойчивого выражения [Тер-Минасова 1981, с. 51] ‘to give smb the boot’, которое соответствует значению английских глаголов ‘fire, dismiss, discharge smb’. Актуализируется буквальное значение компонента ‘boot’ и проводится таким образом параллель между случаем с туфлеметанием и уходом Джорджа Буша с политической арены США. Вводная конструкция *‘at last’* еще больше указывает на критическую позицию автора. Нельзя также не обратить внимания на возможно случайную, однако от этого не менее эффектную аллитерацию *Bush – boot.* В переводе наблюдаем, с одной стороны, полное расхождение с оригиналом, невозможность выделить эквивалентные единицы, с другой стороны, сохранение образа и воссоздание иронической импликации за счет использования высокого стиля, напоминающего по размеру стихотворение Лермонтова, посвященное Пушкину: *“И вот он пал, туфлей сраженный...”*. На ум поневоле приходят строки: *“Погиб поэт, невольник чести / Пал оклеветанный молвой…”*. Данный перевод, на наш взгляд, является ярким примером достижения динамической эквивалентности.

2) Другой пример фразеологической игры: *“George W. Bush, who <u>ducked a volley of shoes</u> from an enraged Iraqi journalist at a press conference in Baghdad on Sunday, professed to be perplexed. This was an epic insult intended for a serial bungler. But,* ***like the shoes, it too went straight over his head****. Mr Bush, who has buried America’s reputation throughout the Arab and Muslim worlds in the ruins of Iraq, did not, does not and will never get it.”* (The Boston Globe, Dec. 16, 2008) - *“Джордж Буш, на воскресной пресс-конференции в Багдаде едва уклонившись от туфлей, которыми его обстрелял разъяренный иракский журналист, сделал все, чтобы весь мир увидел, как он озадачен этим происшествием. Что и говорить, попади обувь в цель, конфуз был бы эпический - под стать всему бушевскому правлению. Однако складывается впечатление, что****, как туфли не попали в цель, так и причина этой выходки до***

Буша не дошла. *Даже похоронив под обломками Ирака репутацию Америки во всем арабском и исламском мире, Буш действительно не понимал, не понимает, и не поймет, за что его так не любят"*. Наблюдаем актуализацию буквального значения фразеологизма *'over one's head'*. Перевод эксплицирует иронию оригинала, сохраняя образность, однако эффект фразеологической игры утрачен. Наш вариант: «как туфли пролетели выше головы Буша, так и выше его понимания осталась причина подобного протеста».

Оба примера свидетельствуют о трудностях, продиктованных расхождениями во фразеологическом багаже языка оригинала и перевода, а также использованием фразеологической игры. Как и в следующем примере, для интерпретации иронического смысла требуется текстовая пресуппозиция:

3) *"**Bush legacy has at least one defender**. "Mr. Bush served some good purpose to the economy before he left, " said the newly prosperous Turkish shoe maker"* (The Wall Street Journal, Dec. 17, 2008). - *"**У Буша есть, по крайней мере, один защитник**. "Господин Буш перед уходом сослужил хорошую службу экономике", - говорит преуспевающий ныне турецкий башмачник"*.

В данном случае перевод не представляет трудности, ситуативная ирония передается по стандартам закономерных соответствий, не выходящих из области транскодирования.

Экстралингвистическая пресуппозиция предполагает наличие знаний экстралингвистических фактов (географических, этно-культурных, исторических реалий). Обратимся к следующему примеру:

4) *"In Bush's last pathetic days, with the world going broke and his **administration in a moral chapter 11**, he continues to misrepresent his culpability in the calamities that have befallen the country on his watch"* (The Washington Post, Dec. 16, 2008). - *"В последние, душераздирающие дни правления Буша, когда мир стоит на грани финансового, а **администрация США на грани нравственного банкротства**, президент продолжает отрицать свою вину за все те беды и несчастья, которые свалились на нашу страну во время его нахождения у власти"*. Интерпретация иронической импликации требует в данном случае знания о текущей политической и экономической ситуации в стране и мире, а также о содержании упомянутой *'chapter 11'* (глава Кодекса о банкротствах, регулирующая вопросы реорганизации неплатежеспособных (обанкротившихся) компаний под руководством старого менеджмента (обычно совместно с комитетом кредиторов) в попытке избежать полной ликвидации компании), снабженной в тексте эпитетом *'moral'*. Автор иронизирует над сложившейся в экономике кризисной ситуации и мерами по ее нормализации. Переводчик следует, в данном случае, стратегии прагматической адаптации, эксплицируя заложенную автором идею, что соответствует общим тенденциям перевода публицистики [Тюрина 2002].

Следующий пример иллюстрирует уже иронию ассоциативного характера, основанную на аллюзии к литературному произведению. Соответственно декодирование сообщения требует уже интертекстуальной пресуппозиции.

5) *"He is in deep trouble in Iraq, but for much of the world he is **goody-two-shoes**"*. - *"Ему в Ираке грозит большая беда, но для остального мира он **самый настоящий герой, этакий Гуди Два-Башмачка** (речь идет о рассказе Оливера Голдсмита (Oliver Goldsmith) "История маленькой Гуди Два-Башмачка". Это прозвище обычно дают по-настоящему добродетельным людям - прим. перев.)"* (The Boston Globe, Dec. 19, 2008). Ирония, объектом которой является на этот раз «туфлеметатель», создает сравнение, основанное на аллюзии; ожидается, что англоговорящий читатель знаком с произведением или, по крайней мере, с данной лексической (фразеологической) единицей в том ироническом значении, в котором она фигурирует в современном

английском языке. Для большинства же реципиентов перевода, дословная передача выделенной единицы перевода не несет должного смысла, эффект утрачен. И переводчику не остается ничего другого, кроме как перевести дословно выражение, эксплицировать его подтекст (*"самый настоящий герой, этакий…"*) и снабдить перевод примечанием. Таким образом, имеем дословный перевод с комментарием, который является не совсем удачным, так как нарушается 'the principle of equivalent effect' [Nida 2003]. Возможно, следует заменить образ на более знакомый русскому читателю: "… в глазах мира он стал храбрым «котом в сапогах». Однако с переходом "shoes – boots" можно также не согласиться.

Ассоциативная ирония, опирается на все перечисленные виды пресуппозиции и представляет наибольшую трудность для переводчика. В постмодернистской литературе это становится проблемой, так как требует от читателя должного уровня образования, постоянной работы над собой, пополнения багажа знаний о других культурах в эпоху смешения всего со всем. Публицистика же, будучи все-таки более «легкой» в плане установления причинно-логических связей в ее канве, может стать "перевалочным пунктом» на пути к более серьезной литературе, и значение переводческой деятельности в этом отношении приобретает колоссальное значение. Переводчик становится «заложником» знаний и для передачи иронического эффекта ему необходимо эти знания сообщить реципиенту, что создает риск нарушения принципа прагматической адаптации, и вновь ставит под вопрос определение перевода как такового.

Таким образом, проанализировав особенности передачи иронии при переводе англоязычной прессы на примере одного эпизода, описанного в нескольких англоязычных изданиях, можем сделать выводы: 1) ирония как мировоззренческая установка современного автора продолжает находиться под пристальным вниманием исследователей из различных областей знания; 2) в публицистическом жанре переводчик сталкивается как с ситуативным, так и ассоциативным типами иронии; 3) с переводоведческой точки зрения наиболее сложными являются те виды иронии, интерпретация которых требует экстралингвистической и интертекстуальной пресуппозиций, а также на микроуровне там, где для создания комического эффекта наблюдается авторская игра языковыми средствами; 4) четкое определение понятия ирония, в том числе проблема разделения на план содержания и выражения для перевода принципиального значения не имеет. Переводчик, на наш взгляд, руководствуется подходом, при котором в парадигме комического ирония занимает место основного центрального элемента [Матюхина 2002, с. 63] и находится в золотой середине по степени эмоционального накала между утверждающими (остроумие, юмор, парадокс) и разрушающими (пародия, сатира, сарказм, гротеск) видами комического.

Литература

Киркегор С. О понятии иронии. Пер. А. Коськовой, С. Коськова // Логос. 1993. №4. С. 176-198. *Матюхина А.Н.* Речевая форма, языковые средства и приемы иронии на материалах текстов газетно-публицистического стиля // Вопросы филологических наук, М., Спутник+. – 2004. - №6. – 193с. *Овсянников В. В.* Глобальная организация стилистического контекста в англоязычном газетном стиле // Вестник Санкт-Петербургского Университета, 2001. – С. 67-75. *Походня С.И.* Языковые виды и средства реализации иронии / С.И. Походня ; АН УССР, Каф. иностр. яз. – Киев : Наук. думка, 1989. – 127 с. *Тер-Минасова С.Г.* Словосочетание в научном и дидактическом аспектах. – М.: Высшая школа, 1981. – 250 с. *Третьякова Е.* Ирония в структуре художественного текста [Электронный ресурс] // Ростовская электронная газ. – 2001. http://www.relga.rsu.ru/n73/rus73_2.htm *Тюрина Н.А.* Газетно-публицистический текст и прагматическое намерение автора //Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 1.

Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). 11-16 марта 2002г. - СПб.: СПбГУ, 2002.-С.34 *Nida, E.* Principles of Correspondence // The Translation Studies / Ed. by Lawrence Venuti. – London and New York: Routledge, 2003. – P. 126 – 140.

МАТУЗКОВА Е.П.
(Одесский нац. ун-т им. И.И.Мечникова)

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Профессионализм письменного переводчика складывается из многих составляющих, в том числе – выработки собственной стратегии перевода. В наиболее общем и кратком виде переводческую стратегию можно определить как порядок и суть действий при переводе конкретного текста. Она включает три этапа: предпереводческий анализ исходного текста (ИТ), собственно процесс перевода и постпереводческое редактирование текста перевода (ПТ). Стратегия перевода, несомненно, определяется личностными особенностями переводчика, который самостоятельно на практике вырабатывает элементы собственной стратегии. Однако очень часто многие ошибки переводчика объясняются как раз неправильным общим подходом к своей деятельности. Особенно важно научить профессиональному подходу к работе над письменным текстом начинающих переводчиков, формирующих свое индивидуальное переводческое мышление. Поэтому обращение в рамках данной статьи к описанию первого из этапов переводческой стратегии считаем актуальным и обоснованным.

Важность предпереводческого анализа (ПА) в процессе письменного перевода признается как аксиома в современном переводоведении [Брандес 2003; Комиссаров 2004; Латышев 2003; Holmes 2005; Reiss 2005]. Однако существуют различные точки зрения на основные параметры ПЛ и их иерархию [Алексеева 2001, 2004; Hatim, Mason 1997; Newmark 2006 и др.].

Основываясь на критическом анализе существующих точек зрения, собственном переводческом опыте и стремлении просто и ясно изложить подчас сложные и запутанные филологические выкладки начинающим студентам–переводчикам, предлагаем проводить ПА по следующим параметрам:

* автор текста;
* время, место создания и публикации текста;
* кому предназначен текст;
* тип текста;
* цель перевода;
* функционально-стилевая принадлежность текста и его речевой жанр.

1. **Автор текста**. В подавляющем большинстве нехудожественных, т.н. «анонимных» текстов, в которых само сообщение стоит на первом месте и не важно, кто именно их написал (инструкции, аннотации, патенты, отчеты, протоколы встреч, законодательные, рекламные, газетные, пропагандистские тексты и т.д.), автор не указывается, либо его имя приводится только для того, чтобы закрепить ответственность за информацию. В таких текстах, как правило, значимые языковые характеристики определяются законами жанра и типа текста и от автора здесь мало что зависит. При переводе таких текстов параметр «автор/источник текста» является не столь существенным и, как правило, практически не учитывается при выработке переводческой стратегии.